

НЕДАВНО на прилавке книжного магазина я увидела книгу В. Богомолова «Момент истины». Привыкая к тому что оформление книги должно соответствовать содержанию, я ее не узнала. На обложке мускулистый «кэмбо» с жестким лицом так же походил на героев Богомолова — разведчиков Алевтина, Таманцева и Блинова. Как не может манекен походить на нормальных лю-

перестали рассказывать внукам о войне, потому что внукам объясняют что деды были всего лишь «пушечным мясом» для Сталина. Немного — замечаете? — носят чаргады и орденские колодки.

На этом фоне — как-то мы встретим 50-летие Победы!

Правда, тема народного подвига, искренные строки о войне начинают звучать в газетах, но газеты чита-

ров до станицы Нижне-Чирской. В ложке, поросшем ивняком солдаты попадали в тень, но недолго пришлось отдыхать сразу отправились на позиции. В излучине Дона три наши армии занимали оборону.

— Мы успели подготовить оборонительные позиции. У нас было трое суток. Командарм 64-й армии приказал выдвинуть передовой отряд на 70 километров чтобы он задержал немцев. Воевали мы дня три. Хорошо воевали. Рядом 154-я бригада морской пехоты — отчаянные ребята!

жающихся к Волге. Здесь не было ни бугорка, ни деревца, и все-таки эту полосу немец не взял. Через Волгоград тогда проходили все водные туристские маршруты. И очищающие, возвышающие человека слезы помнит каждый, кто поднимался к монументу Родины-матери. Даже над ней одна газета недавно поглумилась, мол, ну и образец искусства развитого социализма. Возможно, но не бездарный образец (что же тогда сказать о статуе Свободы, которую кстат, смастерил для американцев итальянец Вертольди?). А как современники оценят обелиск, который позволено соорудить в Волгограде немецким ветеранам войны к юбилею нашей Победы? И не напоминают ли гуляющие по нашим экранам заграничные супермужики образцы армейского искусства 1933—45 годов: гора мускулов, ненависть в глазах и ни одной извилины в мозгу?

Майор Волков воевал на Орловско-Курской дуге, освобождал Белгород, Харьков, Полтаву. Кишинев, потом Ясско-Кишиневская операция. Сандомирский плацдарм, наступление на Берлин. Три ордена, более десятка медалей, два ранения, две контузии. Разве в моих силах описать такую жизнь? Читайте «лейтенантскую литературу» о Сталинграде Ю. Бондарева и В. Некрасова, читайте других военных писателей — это все и о нем, Волкове и о многих еще.

ШКОЛА № 21 очень высоко котировалась в городе, когда там директорствовал А. С. Волков. Уважение к личности ребенка, разносторонняя профориентация, глубокое изучение наук, воспитание любви к Отечеству — замечательные традиции заложил он в коллективе. Ребята выбирали профессии — от балерины до кораблестроителя, очень многие шли в военные училища. Разве знали мальчики и их наставники, куда пошлют армию престарелые вожди?

В ПРОШЛОМ году было 50-летие Сталинградской битвы, изменившей ход второй мировой войны, — и никакого самоуничижение не поколеблет пьедестала нашей Победы, спасшей мир от коричневой чумы. Старость, болезнью, да и неплохие пенсии не дают многим ветеранам вглядеться в действительность. Мне же хотелось поговорить с кем-то, кто выше суетности, выше этих пенсий, у кого душа болит за нас. Мой сын, инженер, когда-то учившийся в 21-й школе, узнав, что я собираюсь к Александру Сергеевичу, попросил:

— Скажи ему, что не у всех у нас маленькая голова и большие плечи.

Передаю эти слова. Слышите, Александр Сергеевич, — не у всех, я в это верю, как и вы. Это и есть наш с вами момент истины.

...А стелды с фотографиями фронтовиков-первоуральцев из вашей школы сберегла заведующая городской архивом А. А. Афанасьева. Жалко, говорит, если выбросят.

* К 50-летию Победы

А. Киприянова

МОМЕНТ ИСТИНЫ

На конкурс

дей. Недавно на писателя напали в подъезде бандиты; наверное у них были такие же лица. Его жестоко били, но, теряя сознание. Владимир Богомолов не выпустил из рук сверток. Там были не деньги, а рукопись его новой книги...

С начала «перестройки» мы прочли много закрытых прежде страниц своей истории. Мы считали, что это сделает нас мудрее. Но гласность обернулась еничеством, и многие труженики пера продолжают, как унтер-офицерская адова, сечь себя и вскормившие их поколения.

Разве не оскорбил вас, читатель, текст, сопровождавший 9 мая по ТВ «Минуту молчания»? Пока горел вечный огонь, диктор лепетал: «Это была не жизнь, а игра в жизни длиной в 1418 дней (ничего себе «игра» — А. К.) Герои великой страны, которой оставалось прожить лишь полвека.»

Несколько самоубийств фронтовиков у которых проходимцы украли награды...

1992 год, 9 Мая. Неизвестно зачем бредущие по пустой Красной площади маленькие колонны иностранцев — участники Сопротивления, узники концлагерей в полосатой одежде. Неуютно им озираются...

1993 год, июнь. ТВ показывает многосерийный фильм о начале войны, почти целиком составленный из фашистской кинохроники, с соответствующим текстом...

22 июня. На крыльце ДК НТЗ «шоу» с песнями. Именно в этот день немецкий священник (раньше был американский) популярно, через громкоговорящую переводчицу учит первоуральцев «человеческим ценностям».

1994 год. «Уральский рабочий». Фронтовые байки. Глупый русский солдат едет место масла мажет на хлеб немецкую мазь от насекомых. Ха-ха-ха!

Выброшена из Прибалтики могила И. Д. Черняховского...

Тяжкие неполизитизированных военных историков. Например, Д. Прохорова, начали потихоньку изымать из обращения еще при Горбачеве...

И притихли наши старики,

ют не все. И поэтому я с большим уважением отношусь к таким коллегам, как тележурналистка Чина Ерофеева, не утратившая «свою ноту». Все эти годы раскрывает она зрителю чистый образ маршала Жукова, не дает запятнать память Николая Кузнецова. Как пел Высоцкий: «Но знаю я, что лживо, а что свято. — я понял это все-таки давно».

БЕРЕЖНО и с почтением возвращаюсь я к своему герою о котором писал в давние годы. Этот человек точно знает, что лживо, а что свято. Его никак не отнесешь к темной массе, которая якобы шла на войну из-под палки. Сын украинского крестьянина, работавшего на помещика. Рабфаковец выпускник Киевского университета, учитель физики. Командир роты, начальник оперативного отдела штаба дивизии. Директор школы № 21 Александр Сергеевич Волков.

Почти четверть века назад я впервые вошла в крохотный директорский кабинет. Директора тогда наградили орденом Октябрьской Революции за труд. В кабинете стоял горестный малыш, один из двойняшек — первокурсников, Александр Сергеевич говорил нерадивому:

— Что же ты? Ведь твой братик учится хорошо.

— Я плохо слушаю, — потупился малыш, а директорская рука гладила его волосы.

И я решила: мой ребенок должен учиться только в этой школе.

НА УКРАИНУ война пришла сразу. Молодые учителя и выпускники школы в райцентре Тараща после бала пошли в лес за реку воскресным утром. Вдруг люди вдалеке как-то заторопились, молодежь бросилась к мосту.

Александр Сергеевич снимал тогда квартиру; вбежал, включил радио; говорил Молотов. Учитель бросился в военкомат. Через пять дней его призвали. Лейтенант запаса во главе маршевой роты попал в тыл на формирование. Отличная была рота — и солдаты, и сержанты. Многие уже обстреляны, из госпиталей. В середине апреля 42-го выгрузились они в Калаче, чуть не бегом за полдня прошли 70 километ-

Справа же немцы сумели прорваться, мины вдруг стали рваться не впереди а сзади нас...

Отшли Через Дон переправлялись под огнем. Рота Волкова прикрывала отход, держались до утра, до назначенного часа. Когда подошли к Дону, взошло солнце. Тяжелой была переправа, в небе хозяйничали немецкие самолеты. Плыли под огнем плоты, тракторами по дну гащили пушки. На восточном берегу 214-я стрелковая дивизия заняла оборону — чтобы больше не отходить! 17 августа дивизия начала наступать, каждая деревенька раз по двадцать переходила из рук в руки. За всю войну для него это были самые страшные бои.

Смолоду Александр Сергеевич не любил грубых разговоров, но в бою стеснялся некогда.

— Есть и страх, и уверенность, и надежда, чтобы каждый стрелял действовал в бою. По окопчикам набегалась сначала, проверяя, какой окоп у солдата. Плохой — погибнет человек. Каждый раз необычно начало боя; очень взвинчены нервы. А потом полегче, — он помолчал, — Полегче...

Помню, в другую встречу Александр Сергеевич листал, объясняя, схемы обороны и наступления, и казалось, что карты и схемы привычны для него, как тогда, когда он был заместителем, а потом начальником оперативного отдела штаба дивизии. Красные стрелки показывали направление ударов по врагу. «А вот и наш стрелочка на Вертячий, а потом на Сталинград. Всего шесть дивизий имели такую биографию, как наша».

Придя тогда домой, я нашла в книге «Великая Отечественная война Советского Союза» схемы Сталинградской битвы и долго рассматривала ту самую красную стрелку в излучине Дона, которая даже под давлением тяжелейших обстоятельств не изменила своего направления. Вспоминала Волгоград, где Мамаев курган стал нашей святыней, где на улицах башни танков Т-34 еще десять лет назад очерчивали линию обороны, опасную су-